

«КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО БИБЛИОТЕКАРЯ» — ПЕРВЫЙ ОБЩЕСТВЕННО- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АКТ БИБЛИОТЕЧНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Основные тенденции социального развития России последних пяти лет показывают, что по мере демократизации и сокращения государственного регулирования в социальной сфере значение неправовых и негосударственных форм регулирования социальных взаимоотношений будет возрастать. Данное положение свидетельствует, во-первых, о повышении роли общественно-профессиональных и в том числе общественно-библиотечных организаций, в социальной структуре; во-вторых, — о необходимости появления внутренних консолидирующих документов, регулирующих взаимоотношения в подобных организациях. Кодексы этики среди подобных документов — важнейшие.

«Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря» (1999 г.) — стал первым общественно-профессиональным нормативно-рекомендательным актом, принятым библиотечным сообществом России. Он положил начало последующей нормативно-рекомендательной творческой деятельности ассоциации: в 2001 г. был принят «Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки», в 2003 г. — «Манифест РБА о публичной библиотеке», в 2004 г. — «Руководство по краеведческой деятельности для публичных библиотек». Таким образом, именно «Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря» (далее — Кодекс) послужил началом нормативно-рекомендательного консолидирующего процесса для библиотечного сообщества России [8, с. 20].

Принятие Кодекса инициировало появление таких документов, как «Кодекс этики школьных библиотекарей России», «Кодекс профессиональной этики исследователя библиотечной отрасли», «Профессиональный кодекс библиографа» и др. Понимая, что данные проекты лишь детализируют положения, заложенные в основном документе, нельзя не видеть в них отражение сложных процессов, которые происходят в профессиональном сознании современных библиотекарей [8, с. 21].

Остановимся более подробно на российском Кодексе и прежде всего дадим определение этому явлению. Кодекс библиотечной этики понимается нами, как систематизированный свод норм и постулатов, регулирующих наиболее важные этические отношения, возникающие в практике библиотечной деятельности [21].

Проведенный анализ истории формирования кодексов библиотечной этики различных стран [21] свидетельствует о том, что основным условием их появления является наличие развитого консолидированного институционально оформленного библиотечного сообщества. Глобальные процессы формирования информационного общества интенсифицировали принятие кодексов библиотечной этики в последнее десятилетие.

Кодексы библиотечной этики выполняют две основные социальные функции:

- а) регулирование этических взаимоотношений, возникающих при осуществлении библиотечной деятельности,
- б) декларирование целей, задач и принципов библиотечной деятельности перед социумом.

Значимость этих функций может варьироваться в различных странах и в различные периоды, однако их наличие обязательно.

В основе кодексов библиотечной этики — регулирование устойчивых типов взаимоотношений, возникающих между:

- библиотекарем и социумом,
- библиотекарем и пользователем,
- библиотекарем и коллегами (учреждением),
- библиотекарем и его представлениями о своей профессии.

По степени императивности кодексы библиотечной этики мы классифицируем на три разновидности: декларативные (носящие характер свободного волеизъявления), рекомендательные (где настоятельно рекомендуется соблюдать некоторые принципы) и регламентирующие (кодекс подразумевает наказание за отступление от норм этики) [20].

Появление кодексов всегда свидетельствует не только о развитости, о значительной совокупности сформулированных норм, но и о назревшей необходимости в их упорядочении, сис-

тематизации. В середине 1990-х гг. начал формироваться Модельный (рекомендательный.— прим. И. Т.) библиотечный кодекс государств-участников СНГ [13, 17], который служит основой для национальных законов.

Примерно к этому же времени относятся и первые профессиональные дискуссии о необходимости разработки кодекса этики (1993). Инициатива обращения к идее создания Кодекса принадлежит Московской библиотечной ассоциации (МБА) [8, с. 16]. В период с 1993 по 1996 гг. ею был проведен ряд мероприятий по проблемам библиотечной этики: конференция «Профессиональное сознание библиотекарей» (1993) [14], два семинара «Профессиональная этика и этикет библиотекаря» (1995) и «Профессиональные ценности библиотекаря как основа его профессиональной этики» (совместно с Российской библиотечной ассоциацией, 1996) [15]. В результате наиболее активные представители профессионального сообщества пришли к выводу, что «представляется целесообразным разработать кодекс библиотечной профессиональной этики» [3, с. 12]. В МБА был создан дискуссионный клуб по проблемам библиотечной этики.

Однако затем основная работа проходила в рамках другого объединения — Российской библиотечной ассоциации (РБА), основанной в 1994 г. Здесь принципиально важным обстоятельством для нас является то, что РБА является первым и единственным успешно действующим по настоящее время профессиональным объединением библиотекарей национального уровня. Известно, что первые библиотечно-библиографические сообщества в России возникли более ста лет назад, однако ни одно из них не стало национальной ассоциацией.

РБА была образована в 1995 г. в Москве с целью объединения библиотечного сообщества для развития библиотечного дела России и защиты профессиональных интересов библиотечных работников страны. Как пишет президент РБА в одной из статей: «Создание РБА явилось следствием необходимости активизировать общественное библиотечное движение, объединить усилия и скоординировать действия не только обществ и ассоциаций ... но и библиотек всех уровней, типов и специализаций, библиографических и информационных учреждений и общественных организаций в интересах сохранения и развития библиотечного дела России» [4, с. 9; 22].

В ноябре 1995 г. в рамках Российской библиотечной ассоциации начал свою деятельность Круглый стол «Общение и профессиональная этика библиотекаря» под руководством Ю. П. Мелентьевой.

Через три с половиной года работы Круглого стола на Ежегодной сессии РБА 22 апреля 1999 г. был принят «Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря». В группу разработчиков Кодекса вошли: Ю. П. Мелентьева, Г. А. Алтухова, М. Я. Дворкина, О. В. Шлыкова (МГУК), Е. М. Гриб (Публичная библиотека № 39, г. Москва), Г. П. Диянская (Российская государственная библиотека для слепых), О. Л. Кабачек (РГДБ), Л. М. Степачев (ВГБИЛ) [12, с. 60].

При работе по созданию Кодекса был изучен опыт Франции, Германии, Великобритании и США [12, с. 61]. При этом необходимо отметить, что библиотечный опыт США в целом оказал значительное влияние на развитие библиотечного дела в России в период 1990-х гг., в том числе на разрабатываемый Кодекс. В январе 1997 г. Американская библиотечная ассоциация (ALA) организовала во ВГБИЛ семинар для российских библиотекарей «Основы этики в библиотечном деле», в котором приняли участие Марианна Тэкс Чолдин, директор Мортенсон Центра Международных библиотечных программ Иллинойского университета и Кэрол Эрикссон, директор Международного отдела ALA.

В процессе разработки Кодекса был проведен анализ следующих документов:

- «Манифест ЮНЕСКО о публичных библиотеках»,
- «Кодекс профессиональной этики врача» США и «Кодекс Американской медицинской ассоциации»,
- «Кодекс профессиональной этики российского журналиста»,
- проект «Профессионального кодекса библиографа» (Россия) и др. [12, с. 61].

При этом членами рабочей группы «были определены регламентируемые «Кодексом» сферы библиотечных отношений: отношения руководителя библиотеки с властью (высшими органами); отношения руководителя библиотеки с руководителями других библиотек; отношения руководителя библиотеки с персоналом; отношения библиотекаря с публикой (пользователями); отношения библиотекарей друг с другом, как в конкретной библиотеке, так и в профессиональных объединениях различного рода» [12, с. 62].

Однако из перечисленных аспектов в утвержденную редакцию Кодекса вошли лишь два последних. Из 11 существующих ныне пунктов Кодекса шесть первых посвящены отноше-

ниям с пользователями, два пункта уделены отношениям с коллегами, и еще три декларируют отношение к своей профессии [5].

Развитие процесса формирования «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» можно проследить по публикациям проектов в «Информационном бюллетене РБА» начиная с 1997 г. Первоначально кодекс представлял собою довольно детально расписанный документ, был снабжен преамбулой, пояснениями, а также проектом Положения о Совете по этике РБА. Однако «Основной текст», т. е. сам Кодекс, состоял из 8 пунктов (как уже говорилось выше, в утвержденном тексте их немногим больше) и имел то же соотношение декларируемых положений, что и в настоящее время: 5 первых пунктов были посвящены отношению к пользователю, один — к коллегам и два — к профессии. Все положения об отношении к пользователю в Кодексе сводились к защите прав на доступ к информации и конфиденциальность информационной деятельности. Декларировалась также компетентность и честность российского библиотекаря, уважение к коллегам и забота о высоком общественном статусе своей профессии [6].

В первой редакции Кодекса рассматривалась возможность существования Совета по этике при РБА. Положение о Совете по этике носило схожий характер с аналогичным документом Библиотечной ассоциации в Великобритании о Дисциплинарном комитете. В рамках РБА предполагалось также создать Совет в составе председателя и 10 членов. Также как и в Великобритании, Совет должен был принимать претензии по требованию любых трех или более лиц (независимо от их членства в Ассоциации). Одинаковы позиции о сроках принятия решения — 28 дней с момента регистрации претензии.

Во второй редакции проекта Кодекса Положение о Совете по этике уже отсутствует. Оно не было принято. Как отмечалось основным разработчиком Кодекса при обсуждении Положения на заседании Круглого стола РБА «Общение и профессиональная этика библиотекаря» в мае 1997 г., большинство выступавших высказалось против такого органа, мотивируя это тем, что «деятельность подобной структуры может способствовать развитию нежелательных явлений» [7, с. 87]. Оценку этому дал В. Р. Фирсов: «Подобное решение мотивировано не столько профессионально, сколь исторически ситуативно — как следствие сегодняшнего негативного отношения к деятельности «советов» и к публичному обсуждению поступков с точки зрения их моральной оценки» [23, с. 167]. В то же время при обсуждении Кодекса в Рязанской области было сочтено «полезным создание Советов по этике» [1].

Во время работы над Кодексом при обсуждении проектов вносились предложения об усилении просветительской роли библиотек. В отчете обсуждения Кодекса 24 апреля 1997 г. на собрании членов РБА зафиксировано: «должна быть изложена мысль о просветительской роли библиотек» [10, с. 100]. В отчете заседания Круглого стола РБА «Общение и профессиональная этика» 14—15 мая 1997 г., посвященному обсуждению Кодекса, также отмечено: «В нескольких выступлениях высказывалось мнение о том, что и в преамбуле к «Кодексу» и непосредственно в его статьях должна быть сильнее подчеркнута просветительская функция российского библиотекаря, обусловленная его национальным менталитетом...» [7, с. 86]. Фраза Ю. П. Мелентьевой здесь же отмечает, что это «противоречит выполняемой им информационной функции» [7, с. 86]. «Приобщение пользователя к ценностям мирового и национального значения» в ст. 3 первой редакции [12] было заменено на «просвещение пользователя» в ст. 3 второй редакции [11, с. 97] и далее снова на «приобщение пользователя к ценностям национального и мирового значения» в ст. 2 третьей редакции [9, с. 80]. Однако в утвержденном Кодексе исчезло и первое, и второе положения, хотя начиная с XIX в. роль библиотекаря в России традиционно расценивалась как активная просветительская.

Кроме того, в процессе профессионального обсуждения Кодекса высказывалось замечание: «В преамбуле к «Кодексу» должно быть четко сказано о российском опыте осмысления этических проблем библиотечного обслуживания» [10, с. 100]. Приведем извлечения из проекта преамбулы по этому поводу:

«На протяжении долгих лет профессиональное сознание российского библиотекаря испытывало сильнейшее воздействие тоталитарного государства... Изменения, происшедшие в России в последние десятилетия, стремление построить открытое демократическое общество, а также глубокое внедрение новых технологий во все стороны российской жизни выдвинули на первый план такие ценности, как свободное духовное развитие личности, интеллектуальная свобода, свободный доступ к информации. Эти положения непосредственно относятся к сути библиотечной профессии как профессии в значительной мере ответственной за распространение информации в обществе. Они должны быть признаны библиотекарями не только в качестве общечеловеческих, но профессиональных ценностей» [12].

В редакции 1998 г. преамбулы нет. Утвержденный текст 1999 г. отличается предельной лаконичностью и, как уже многие другие рассмотренные кодексы, не отражает национальной специфики. В то же время совершенно справедливо, что ни в кодексе, ни в преамбуле не должны даваться оценки политического характера (воздействие тоталитарного государства).

Необходимо также отметить, что после принятия Кодекса в периодической профессиональной печати появился и ряд критических публикаций, ему посвященных, где высказывались сомнения в обоснованности существования «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» как такового [18, 19].

Такая позиция, прежде всего, противоречит требованиям одного из основных документов мирового профессионального библиотечного сообщества — ИФЛА, «Разработка политики и процедур для библиотечной ассоциации» [16], где, наряду с такими документами, как устав и регламент, утверждается важность и необходимость кодекса этики для деятельности профессиональных библиотечных организаций.

Во-вторых, это противоречит почти 70-летней (первый кодекс библиотечной этики был принят в 1938 г.) сложившейся практике существующих библиотечных национальных ассоциаций различных стран мира. В архиве автора данной статьи в настоящее время находится 34 кодекса библиотечной этики, принятых профессиональными объединениями национального уровня различных стран, 25 из них были опубликованы в сборнике «Библиотечная этика в странах мира» [2]. Кодексы библиотечной этики продолжают приниматься, перерабатываться, став необходимой частью бытия профессионального библиотечного сообщества.

Возвращаясь вновь к российскому Кодексу, проанализируем его содержание по разработанной нами при исследовании других кодексов библиотечной этики методике, в соответствии с которой для выявления общего и особенного проведем анализ по следующей схеме. Это сравнительный анализ положений кодексов по 4 совокупностям этических взаимоотношений, в которые вступает библиотечный работник в своей деятельности: Библиотекарь—Социум; Библиотекарь—Пользователь; Библиотекарь—Коллеги/Учреждение; Библиотекарь—Профессия (Я сам).

В Кодексе декларируются следующие обязанности перед обществом: «Библиотекарь: — обеспечивает высокое качество и комфортность услуг, их доступность и разнообразие всем желающим через использование возможностей своего учреждения, а также привлечение других библиотечных ресурсов; — рассматривает свободный доступ к информации как неотъемлемое право личности; — противостоит ограничению доступа к библиотечным материалам и не допускает самовольного изъятия и необоснованного отказа (цензуры) на запрашиваемые документы; — признает авторские права на интеллектуальную собственность».

Три из этих четырех положений посвящены принципу доступности информации. Таким образом, в соответствии с Кодексом, российский библиотекарь видит основной смысл своей деятельности в предоставлении информации. При этом «информоцентричность» представляется не просто доминантой содержания, а единственным направлением деятельности библиотек. Определенная абсолютизация информационной функции библиотек характерна сегодня для большинства стран мира. Вместе с тем богатейшие традиции просветительской деятельности библиотек России — одна из характерных черт отечественного развития. В данной статье во многом разделяются позиции тех библиотечных работников, которые в ходе обсуждения высказывались за отражение в Кодексе просветительской роли библиотек.

Библиотекарь—Пользователь

Отношению к пользователю в Кодексе библиотечной этики посвящены три позиции. Библиотекарь «не несет ответственности за последствия использования информации или документа, полученного в библиотеке; строит свои отношения с пользователями на основе уважения к личности и ее информационным потребностям; охраняет конфиденциальность данных об информационной деятельности пользователя (за исключением случаев, которые предусмотрены законодательством)».

Так же, как и в отношениях с социумом, отношения Библиотекарь—Пользователь в Кодексе строятся на принципе доступности информации. В то же время для снятия моральной ответственности с библиотекаря в Кодексе декларируется, что он не несет ответственности за полученную читателем информацию.

Библиотекарь — Коллеги / Учреждение

Как следует из Кодекса, российский библиотекарь «уважает знания коллег и охотно передает свои знания, видя в этом важнейшее условие развития профессии; относится с уваже-

нием ко всем коллегам, защищает их права, если они не противоречат этическим нормам и способствуют авторитету профессии».

Таким образом, отношения с коллегами строятся на принципах уважения и сотрудничества, что характерно для всех рассматриваемых кодексов. Необычным является здесь утверждение о защите прав коллег, если только они не противоречат нормам этики.

В отношении обязанности перед своим учреждением, профессией в целом в Кодексе утверждается, что библиотекарь «заботится о высоком общественном статусе своей профессии, стремится показать социальную роль библиотеки, укрепить ее репутацию». Из этого следует, что в соответствии с Кодексом, важнейшей этической задачей библиотечного работника в его взаимоотношениях с коллегами является повышение роли и статуса профессии в окружающем обществе. Актуальность данного положения для российской действительности очевидна.

Библиотекарь — Профессия (Я сам)

Взаимоотношениям с самим собой, или профессиональной и личностной самоидентификации, в Кодексе уделяется не так много места. Библиотекарь «стремится к профессиональному совершенствованию, повышению уровня профессионального образования и компетентности».

На основании проведенного нами в 2005 г. исследования [21] был сделан вывод о том, что «Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря» по содержанию, структуре в основном соответствует принципам, принятым международным сообществом, а также потребностям российских библиотек в современных условиях.

Кроме того, Кодекс соответствует основным параметрам регулирования этических отношений, которые присутствуют в большинстве из исследованных нами кодексов библиотечной этики. В основе его лежат два основных принципа библиотечной этики, которые являются необходимым элементом большинства существующих кодексов библиотечной этики — принцип доступности информации и принцип конфиденциальности информации.

Есть ли необходимость в принципиальном пересмотре существующего российского кодекса? Как показывает анализ профессиональной печати и предпринятое исследование, российский кодекс регулирует устойчивые, зафиксированные в кодексах библиотечной этики различных стран этические отношения. Однако за счет своей лаконичности и лапидарности он не охватывает полностью весь комплекс выделенных отношений. Этот тезис можно расценивать как свидетельство в пользу возможной доработки и дополнений Кодекса. В то же время при оценке столь значимого документа нельзя игнорировать и внешние факторы, приведшие к значительным изменениям во внешней социальной и профессиональной среде. Среди них необходимо отметить следующие:

1. В России произошли значительные социально-экономические и социо-культурные изменения, выразившиеся прежде всего в относительной стабильности общественного развития, в сохранении уровня демократических свобод, а главное, — начавшей происходить переориентации на связь с национальными культурными традициями, с особенностями российского менталитета и национальных культурных ценностей.

2. В течение последних 5 лет произошли изменения, позволяющие говорить о большей степени консолидации библиотечного сообщества России. Данное обстоятельство проявляет себя в формировании корпоративной профессиональной идеологии, базирующейся на общих ценностях профессии и представлениях о путях ее развития; в большем развитии средств профессиональной коммуникации, к которым наряду с печатью и различными конференциями (семинарами, курсами и т. д.) все более прибавляются формы электронных коммуникаций; наличием общепризнанных профессиональных документов, оказывающих регулирующее воздействие на развитие сообщества.

3. Несомненно, одной из характерных черт последних лет нашего профессионального развития является все большая интегрированность библиотекарей России в международное профессиональное сообщество. Это проявляет себя прежде всего в участии российских библиотекарей в деятельности ИФЛА (как правило, российская делегация является самой многочисленной на ежегодных конференциях ИФЛА), в различных корпоративных проектах (OCLC, Gabriel, LIBER, CERL и т. д.), в направленной трансляции зарубежных профессиональных ценностей в нашу страну, обеспеченной все возрастающим потоком переводной профессиональной литературы.

Если учесть, что кодекс библиотечной этики отражает концентрированное представление о профессии и возникающих в ней этических отношениях, то, несомненно, указанные факторы должны обусловить определенные изменения и в «Кодексе профессиональной этики российского библиотекаря».

При подготовке новой редакции Кодекса необходимо также учесть следующее обстоятельство. Как уже отмечалось выше, на стадии проектных разработок он включал в себя нормы, посвященные регулированию более широкого круга этических отношений, которые на многочисленных стадиях профессиональных обсуждений были сняты. Данная минимализация содержания Кодекса была исторически обусловленной. Необходимо напомнить, что первые профессиональные дискуссии, предшествующие его разработке, происходили в 1993 г. Это был период наибольшей неопределенности не только в сфере профессиональных приоритетов, но и общественных идеалов, самого вектора общественного развития, форм государственного устройства, адекватности представлений о сути демократии. Это привело к тому, что значительная часть проектных предложений к Кодексу оказалась в центре разногласий, кардинально отличных представлений. Приведем пример, который упоминался выше. В качестве одного из предложений рассматривалась возможность создания Совета по этике, в функции которого входил бы разбор различных этических конфликтов, дисциплинарных инцидентов и т. д. Оно было отмечено именно в силу социальной ситуативности, когда деятельность всяких советов оценивалась однозначно негативно. Таким образом, минимализация существовавшего проекта Кодекса произошла прежде всего за счет включения в него бесспорного инварианта, не вызывающего никаких разногласий, а спектр мнений тогда был предельно широк. Поэтому первое, что необходимо сделать при дальнейшей работе над Кодексом — это вернуться к рассмотрению всего многообразия проектных предложений.

И следующее, не менее важное, направление доработки Кодекса — это расширение норм, регулирующих отношения в сферах «Библиотекарь—Социум», «Библиотекарь—Профессия (Я сам)». Многие кодексы в сегменте «Библиотекарь—Социум» включают обобщающую формулировку миссии библиотечной работы. В российском кодексе данные положения отсутствуют. По-разному решаются в кодексах вопросы отражения национальной специфики. Их включение всегда вызывает бурные дискуссии. Однако отражение особенностей библиотечного обслуживания в России именно как в многонациональной стране в кодексе библиотечной этики необходимо.

Л и т е р а т у р а

1. Антоненко С. А. Обсуждение проекта «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» / С. А. Антоненко // Информ. бюл. РБА. 1997. № 9. С. 88.
2. Библиотечная этика в странах мира / Сост. В. Р. Фирсов, И. А. Трушина. СПб.: Изд-во «Рос. нац. б-ка», 2002. 156 с.
3. Дворкина М. Я. Этические аспекты свободного доступа к информации в библиотеке / М. Я. Дворкина // Мир библиотек сегодня. 1995. Вып. 2. С. 3—13.
4. Зайцев В. Н. Российская библиотечная ассоциация в международном контексте профессиональных библиотечных объединений / В. Н. Зайцев // Нормативно-правовое обеспечение деятельности общественно-профессиональных библиотечных объединений в зарубежных странах / МК РФ, РНБ, РБА. М.: Либерея, 2003. С. 6—12.
5. Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря // Библиотечная этика в странах мира СПб.: Изд-во «Рос. нац. б-ка», 2002. С. 64.
6. Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря. Проект. // Информ. бюл. РБА. 1997. № 7.— С. 66.
7. Мелентьева Ю. П. Заседание Круглого стола «Общение и профессиональная этика» / Ю. П. Мелентьева // Информ. бюл. РБА. 1997. № 9. С. 86—87.
8. Мелентьева Ю. П. Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря: пять лет формирования нового профессионального сознания / Ю. П. Мелентьева // Современные проблемы библиотечной и информационной этики / ИФЛА, РБА; сост. Ю. П. Мелентьева, И. А. Трушина. СПб.: Изд-во «Рос. нац. б-ка», 2006. С. 15—25.
9. Мелентьева Ю. П. Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря. Проект. 3-я редакция / Ю. П. Мелентьева // Информ. бюл. РБА. № 14. 1999. С. 79—82.
10. Мелентьева Ю. П. Обсуждаем проект «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» / Ю. П. Мелентьева // Информ. бюл. РБА. 1997. № 8. С. 98—100.
11. Мелентьева Ю. П. Обсуждаем проект «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря». Проект. 2-я редакция / Ю. П. Мелентьева // Информ. бюл. РБА. 1998. № 11. С. 96—100.
12. Мелентьева Ю. П. Разработка «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря» / Ю. П. Мелентьева // Информ. бюл. РБА. 1997. № 7. С. 60—62.
13. Модельный библиотечный кодекс для государств-участников СНГ (новая редакция) / МПА СНГ, БАЕ, РГБ. М.: Пашков дом, 2004. 64 с.
14. Профессиональное сознание библиотекарей: необходимость перемен в переходный период: материалы семинара. Москва, 3—4 июня 1993 г. М., 1994. 118 с.

15. Профессиональные ценности библиотекаря как основа его профессиональной этики: тез. докл. Москва, 14—16 мая 1996 г. / Рос. библиотечная ассоциация; Моск. библиотечная ассоциация; Бюро Рос. академии государственной службы при Президенте РФ; Библиотечный благотворительный фонд. М., 1996. 28 с.
16. Разработка политики и процедур для библиотечной ассоциации // Нормативно-правовое обеспечение деятельности общественно-профессиональных библиотечных организаций в зарубежных странах / МК РФ, РНБ, РБА. М.: Либерия, 2003. С. 13—15.
17. Соловьев В. Н. Что такое модельный библиотечный кодекс? / В. Н. Соловьев // Бюро и закон. 1996. Вып. 1. С. 117—118.
18. Столяров Ю. Н. Размышления о библиотечной этике год спустя / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. 2003. № 4. С. 123—142.
19. Столяров Ю. Н. Размышления по поводу этического кодекса библиотекаря / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. 2001. № 12. С. 48—61.
20. Трушина И. А. «Кодекс профессиональной этики российского библиотекаря» и кодексы библиотечной этики других стран: сравнительный анализ / И. А. Трушина // Современные проблемы библиотечной и информационной этики / ИФЛА, РБА; сост. Ю. П. Мелентьева, И. А. Трушина. СПб.: Изд-во «Рос. нац. б-ка», 2006. С. 80—95.
21. Трушина И. А. Кодексы библиотечной этики зарубежных стран: развитие и современные проблемы. Автореф. дис. канд. пед. наук. СПб., 2005. 15 с.
22. Устав Российской библиотечной ассоциации. СПб., 1998. 25 с.
23. Фирсов В. Р. Государственное законодательное регулирование деятельности библиотек / В. Р. Фирсов; РНБ. СПб., 2000. С. 157—172.